

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.785-805>
EDN: FTFEPP

УДК 94(47)

ЕЩЕ РАЗ О КАЗАНСКОМ ГЕРБЕ: СЕМИОТИКА ДРАКОНА В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ XV–XVII ВВ.

А.В. Беляков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: проанализировать вещественные памятники с изображением драконов, ранее не рассматривавшиеся в контексте происхождения герба г. Казани и становления государственной символики Русского царства.

Материалы исследования: русские монеты, частные печати, печные изразцы, военные знамена, барельефы XV–XVII вв. с изображением драконов, литературные памятники («Повесть о Вавилоне граде», «Сказка о Борме Ярыжке»).

Результаты и научная новизна: привлечение новых вещественных памятников XV–XVII вв. с изображением драконов позволили в значительной мере переосмыслить семиотику изображений драконов в русской культуре рассматриваемого периода и высказать новую версию о причинах выбора и значении именно этого сюжета для казанского герба.

Показано, что помимо ранее приписываемого драконам символа зла эти изображения обозначали государя/царя. Данные представления прочно утвердились не только в придворных кругах, но и среди более широких слоев населения государства. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные перстни-печати с изображением драконов. Эти фантастические животные наряду с пешими и конными воинами, лютым зверем, единорогом, птицами и двуглавым орлом в XV–XVII вв. рассматривались как протогеральдические символы русского монарха. Их проникновение из придворной среды в широкие народные массы было вызвано потребностью части подданных православного государя в отождествлении себя как его служебников. Однако после того, как дракон стал символом Казани/Казанского царства, он начинает терять общегосударственное значение.

Ключевые слова: герб Казани, Русское государство XV–XVII вв., сфрагистика, геральдика, нумизматика

Для цитирования: Беляков А.В. Еще раз о казанском гербе: семиотика дракона в русских землях XV–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 785–805. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.785-805> EDN: FTFEPP

© Беляков А.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ONCE AGAIN ON THE KAZAN COAT OF ARMS: THE SEMIOTICS OF THE DRAGON IN THE RUSSIAN LANDS OF THE 15th–17th CENTURIES

A.V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

belafeb@yandex.ru

Abstract. Purpose of the study: To analyze the physical monuments depicting dragons that had not previously been considered in the context of the origin of the coat of arms of Kazan and the formation of the state symbols of the Russian Empire.

Research materials: These include Russian coins, private seals, stove tiles, military banners, and 15th–17th century bas-reliefs depicting dragons.

Results and scientific novelty: The attraction of new physical monuments of the 15th–17th centuries depicting dragons allowed us to significantly rethink the semiotics of dragon images in the Russian culture of the period under review and to express a new version of the reasons for the choice and significance of this particular plot for the Kazan coat of arms. It is here demonstrated that in addition to the evil symbol previously attributed to dragons, these images denoted the sovereign/tsar. These ideas were firmly established not only in court circles, but also among the wider population of the state. This, in particular, is evidenced by the numerous seal rings with the image of dragons. These fantastic animals, along with foot and horse warriors, fierce beasts, unicorns, birds and double-headed eagles, were considered proto-heraldic symbols of the Russian monarch in the 15th–17th centuries. Their penetration from the court environment into the broad masses of the people was caused by the need of some of the subjects of the Orthodox sovereign to identify themselves as his servants. However, after the dragon became the symbol of Kazan/Of the Kazan Kingdom, it was beginning to lose its national significance.

Keywords: coat of arms of Kazan, Russian state of 15th–17th centuries, sphragistics, heraldry, numismatics

For citation: Belyakov A.V. Once Again on the Kazan Coat of Arms: the Semiotics of the Dragon in the Russian Lands of the 15th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 785–805. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.785-805> (In Russian)

О казанском гербе писали много. Список литературы на эту тему превышает по своему объему исследования по геральдическим символам иных городов. Определенный итог в изучении этого вопроса был подведен Н.А. Соболевой [41]. Однако в дальнейшем исследовании данной проблематики наметился определенный кризис, вызванный недостатком привлекаемых источников. Целью представленной работы является расширение комплекса исторических свидетельств (монеты, частновладельческие печати, барельефы Московского кремля, печные изразцы, знамена, литературные произведения), позволяющее под иным углом взглянуть на, казалось бы, хорошо известную проблему. Нами будут рассмотрены памятники XV–XVII вв., что даст возможность проследить, как воспринимался дракон на русской почве и какое место в выстроенном ряду занимает казанский герб.

Отметим, что в эту эпоху в России хорошо разбирались в стилистических особенностях изображений драконов, они часто встречались на монетах

удельного периода [5; 6; 12; 13]. На платежных средствах драконы известны в виде одиночных самостоятельных фигур, так и в паре с вооруженным человеком – драконоборцем – который изображался пешим (рис. 1) или конным (рис. 2). или конным. Всадник копьем поражающий дракона (монеты великого князя Василия Дмитриевича и удельных князей Андрея Дмитриевича и Ивана Андреевича можайских) [5] традиционно вызывает ассоциацию со Св. Георгием, хотя над головой воина отсутствует нимб. На втором варианте, представлен пеший человек с мечем в руке, именно таким он изображен на пулах, чеканенных от имени великого князя Ивана Ивановича Молодого [6, с. 104–105, № 70.1–70.4]. В композициях, где присутствует человек, дракон явно выступает как образ зла. Подобный взгляд прочно утвердился среди исследователей еще с середины XIX в. [12, с. 81–83]. Интерпретировать одиночные изображения фантастического существа значительно сложнее, здесь требуется привлечение дополнительных источников.

Так на некоторых монетах Ивана Андреевича можайского помещалось изображение дракона не отягощенное дополнительными символами. На другой стороне этого памятника расположили изображение, на котором просматривается пеший человек, вооруженный двумя мечами, перерезающий шею некоему чудовищу [12, с. 28, рис. 15] (рис. 3). Количество подобных примеров при желании можно увеличить. Символы, выбираемые для помещения на денежных знаках, были более чем не случайны и маркировали платежные средства знаками власти конкретного человека или носителя конкретного титула (великий князь московский, владимирский и др.). А.Б. Лакиер отмечал явную связь изображений на монетах того времени с оттисками на княжеских печатях, многие из которых являлись античными геммами или их копиями [19, с. 60, 86–97]. Таким образом, можно говорить о том, что как минимум с XV в. в Московском княжестве уже существовала устойчивая традиция, в которой дракон играл роль геральдического (протогеральдического) символа.

Следующее изображение дракона фиксируется на барельефе с Боровицкой башни Московского Кремля (рис. 10). На значительной высоте в кирпичной кладке находятся три белокаменные вставки в виде вертикально вытянутых шестигранников (гербовой щит «голова лошади», занимавший доминирующее положение в итальянской геральдике конца XV в.). На одной из них изображен всадник, скачущий справа налево от зрителя. Правая рука поднята вверх как для замаха и держит саблю (?). По-видимому, это изображение было более чем не случайным. Среди перстней царя Алексея Михайловича отмечен и такой: «Перстень с разными финифты, в нем изумруд четверуголен, на нем вырезано: персона человеческая на лошади с саблею, под лошадью змий» [19, с. 84, 96]. Кроме того всадник с саблей изображен на печати великого князя тверского Бориса Александровича [42, с. 176]. После присоединения Твери к Москве этот титул в конце XV–XVI в. носил наследник московского престола князь Иван Иванович Молодой. Тем самым всадник с саблей вполне мог на момент создания этого барельефа символизировать Ивана Ивановича Молодого. Хотя обращение к более ранним изображениям на печатях и монетах позволяет предположить, что перед нами один из знаков, принадлежащих великому князю владимирскому.

Рис. 1. Пеший змееборец на монетах великого князя Ивана Ивановича Молодого [13, с. 105].

Fig. 1. A dragon-slayer shown on foot on the coins of Grand Prince Ivan Ivanovich the Young [13, p. 105].

Рис. 2. Конный змееборец на монетах удельного князя Ивана Андреевича можайского [12, с. 28, рис. 11].

Fig. 2. A mounted dragon-slayer on the coins of the appanage prince Ivan Andreevich of Mozhaik [12, p. 28, fig. 11].

Рис. 3. Дракон на монетах Ивана Андреевича можайского (середина 30-х – конец 40-х гг. XV в. [12, с. 28, рис. 15].

Fig. 3. A dragon on the coins of Ivan Andreevich of Mozhaik (mid-1430s to late 1440s) [12, p. 28, fig. 15].

На втором барельефе помещены две фигуры, обращенные друг к другу: слева смотрящий вправо лев в геральдической позе, стоящий на задних лапах и держащий в правой лапе меч, касающийся плеча; справа, смотрящее влево фантастическое существо (виверна – разновидность дракона) со змеевидным вытянутым телом, свернутым посередине в одно кольцо, с перепончатыми крыльями и двумя лапами, парой стоячих острых ушей и приоткрытой пастью, из которой виднеется язычок в виде стрелки; над каждым животным парят по венцу.

На третьем шестиграннике находится фигура двуглавого орла явно имперского типа под одной трехзубцовой короной с широким ободом. Ограниченное поле гербового щита заставило резчика значительно изменить положение крыльев орла, вместо распростертых их сделали несколько поднятыми и компактно размещенными по бокам от тела. Ближайший известный нам подобный тип хищной птицы зафиксирован на прикладной светловосковой печати князя Василия Ивановича (будущего Василия III) на указной грамоте 1496 г. [38, № 14749/1]. Исследователи, проводившие визуальное изучение и

замеры этих памятников пришли к выводу, что вставки были сделаны итальянскими мастерами, соорудившими эту пристройку в 1490 г. [28; 30; 31]. Подчеркнем, что на самом деле к началу строительства белокаменные детали убранства башни уже могли быть готовы.

Все три изображения явно объединены единым программным смыслом, однако для нас в первую очередь важны изображения льва и виверны (разновидность дракона). Заманчиво увидеть здесь аллюзию на сюжет перстневых печатей Василия II и Ивана III «Лев пожирающий змею» [40, с. 153–155] (рис. 4). Однако на перстнях помещена змея (гадина), и она явно выступает в роли жертвы, на барельефе дракон является одной из двух равнозначных ронованных фигур.

Рис. 4. Печати Василия II Васильевича и Ивана III Васильевича с сюжетом «Лев, пожирающий змею» [42, с. 208, 238].

Fig. 4. The seals of Vasilii II Vasil'evich and Ivan III Vasil'evich featuring the motif “A lion devouring a serpent” [42, pp. 208, 238].

Г.И. Королев обратил внимание на главу 67 «Казанской истории» – Похвала царю Шигалею и князю Симеону. Здесь содержится следующая фраза о князе Семене Ивановиче Микулинском: «... аки огненна всего яздыша на коне своем, и мечь, и конь его аки пламень метающиеся на страны, и сецаючи противных, и твореще улицы, и коня его мети аки змия крылата летаючи выше знамен» [35, стб. 136–137]. По справедливому замечанию исследователя, здесь крылатый змей выступает, как аллегория большой и опасной для врагов силы [18]. По-видимому, и на кремлевском барельефе этому фантастическому животному приписывались подобные качества.

Данный символ имел к этому времени уже древнюю историю на Руси. А.В. Чернецов, исследуя эмблематику Владимиро-Суздальского княжества, где также широко использовались такие символы как лев и дракон, обратил внимание на то, что образы хищников и чудовищ могли связываться с идеей власти и воинской доблести и использовались в качестве государственных и владельческих символов. Так в «Повести о Вавилоне граде» («Повесть о Вавилонском царстве») он обратил внимание на следующие места: «И повеле Навходоносор царь во всем Вавилоне граде знамя учинити на платье, и на оружии, и на конях, и на уздах, и на седлах, (при повторном перечислении подобных объектов добавлено «и [на] всякой воинской збруе») и на хоромаш,

и на всяком бревне, и на дверех, и на окошках, и на судах (сосудах), и на ставцах, и на блюдах, и на лошках, и на всяких судах, и на всяком скоту знамя свое все змии». Все там же отмечается, что Навуходносор также повелел, кроме того, «урядити и по полком знамена львовы» [49, 50]. Здесь описываются все случаи помещения властных атрибутов правителя на предметах. Отметим, параллели описываемой практики можно найти как в русских землях, так и в Орде. Драконы довольно часто встречаются на статусных ордынских поясах. Однако если цитату данного памятника несколько расширить, то мы получим более детальную информацию о символике змея: «Навходносор царь нача говорити: "князи, и боляре, и велможи и вси вавилонстии витязи, сотворите мне новыи град Вавилон о седми стенах, на семи верстах, а въезд и выезд едины врата, а около града сотворите змии велик. Во главу бы змиеву въезд во град". Они же вси, князи, и боляре, и велможи, и вси вавилонстии витязи, и вси вавилоняне, царя не ослушались, сотвориша новыи град Вавилон велми чюден. Полюбися новыи град Вавилон Навходносору царю. И вниде Навходносор царь в новыи царский дом, и вси князи, и боляре, и велможи и новыя дома свои. И повеле Навходносор царь во всем Вавилоне граде знамя учинити на платье, и на оружие, и на конях, и на уздах, и на седлах, и на хороммах, на всяком бревне, и на дверях, и на окошках, и на судах, на ставцах, и на блюдах, и на лошках, и на всяких судах, и на всяком скоту знамя все змии. Полюбися царю то знамя и повеле себе зделати меч самосек аспид змеи. И взя за себя царицу от великого роду царьского, и прижил с нею сына царевича имянем Василия. В некоторыи день великии Навходносор царь повеле во вратех градных, во главе змиеве по обе стороне решотки медные поделати и за те решотки повеле уголия навозити. И как во время посольскаго приходу, егда послы приидут от великих царей или от великих кралеи, и тогда Навходносор царь вавилонский повелит грозным своим воеводам за градом и на поле, на двадцати верстах до града полки великия урядити и по полкам знамена львовы, и во всех полцех набаты, и накры, и многоголосныя трубы. Егда же послы пойдут вскрозь великие полки, тогда во всех полках ударити повелят воеводы во все набаты и накры и во многогласные трубы, и тогда послы веселобуяше идучи. А как близ врат градных приидут, и тогда триста кузнецов начнут в мехи дути, разжогши уголье. И тогда дым и искры. А как внидут послы во врата во главу змиеву, и тогда огонь и поломя опоят послов. И тогда послы ужаста великия наполнятся и, пришед к великому царю Навходносору, поклонятся и трепеташе сердцами своими и едва посольство справя...» [27, с. 394–396]. Исследователи обращали внимание на сложность этого памятника, многие сюжеты в котором интернациональны [11; 51]. В него явно вплетены воспоминания о визите русских послов в Константинополь, но также есть и более чем явные отсылки на монгольскую практику (провод послов меж двух костров). Поэтому Вавилон это одновременно и Царьград, унаследовавший его славу, а также и Каракорум, а змеи выступают как образы добра, так и зла. В таком случае змей/дракон на Боровицкой башне, может служить как знак верховной власти, так и охранительным символом (змий опоясавший Вавилон). В целом же Вавилон выступает в образе некоего идеального города. Москва явно отождествляется или, как минимум, сравнивается с Константинополем/Вавилоном, но здесь можно найти и определенные параллели с Каракорумом и, по-видимому, столицами

Золотой Орды. Понятно, что данные представления во многом являются народными переосмыслениями тех или иных событий и текстов, однако, по-видимому, в них в той или иной мере отобразились и официальные представления о статусе изображений дракона. Позднее фиксируется схожая картина. В XVI–XVII вв. изображение двуглавого орла часто помещают на дворцовой посуде. После того, как в конце XVII в. началась активная государственная компания по продвижению двуглавого орла как главного символа России, эти изображения начинают украшать предметы обихода как городских, так и сельских жителей. Вплоть до начала XX в. они фиксируются на рушниках, сундуках, скатертях и иных изделиях.

Москва, похоже, активно впитывала в себя опыт не какой-то конкретной политической традиции (ордынской, византийской и др.), а их совокупность, вычленив из них именно то, что, по мнению ее властей, соответствовало статусу государя. Поэтому утверждение В.В. Трепавлова о том, что «русские власти кое в чем заимствовали у татар технологию власти» [45, с. 188], можно расширить. Данная тенденция в той или иной степени прослеживается и по отношению к иным государствам, причем как существовавшим одновременно с Московским княжеством / государством, так и прекратившим свое существование задолго до его возникновения. Об этом свидетельствует множество разрозненных фактов, которые начинают говорить сами за себя только тогда, когда их объединяют. Но тут следует учитывать и то, что явление импорта идей и институтов явление общекультурное.

Лев и дракон на боровицком барельефе выступают фактически равнозначными фигурами, недаром над ними возвышаются венцы. На последние следует обратить особое внимание. Венец над драконом значительно пострадал от времени, но все же позволяет предположить, что при общей схожести форм с венцом надо львом он имеет отличительные особенности (они хорошо прослеживаются в прорисовке, но на фотографии не столь явны). Мы вправе предположить, что перед нами аллюзия на правителя и наследника (наследника-соправителя). Их сила и единство подчеркивали мощь Русского государства. В таком случае лев и дракон выступали в одной ипостаси с двуглавым орлом, головы которого также могли символизировать великого князя и его наследника. События феодальной войны в Московском княжестве второй четверти XV в. способствовали возникновению института соправительства, в той или иной степени просуществовавшего вплоть до XVII в. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения не дают прямого ответа на вопрос о том, какое животное кого из них символизировало. Отметим только один момент, на перстне наследника Ивана IV, царевича Ивана Ивановича был изображен лев [4, с. 237]. Но для окончательных выводов этого явно недостаточно. Если наши построения верны, то тогда дракон – это великий князь / царь. В таком случае на эмблеме Казанского царства (крылатый огнедышащий дракон) так же помещен символический образ царя, но был он русским или татарским остается непонятно. Хотя после казанского взятия два эти образа прочно слились в один. Укажем на иную трактовку. Д.А. Петров предположил, что лев и дракон символизируют собой Великий Новгород и Казанское ханство (царство) [29]. Однако данная гипотеза не выглядит убедительной и требует дополнительной аргументации.

Вернемся к изображениям на деньгах. Дракон на монетах фиксируется на несколько десятилетий раньше, чем попал на разбираемый барельеф. Так он известен на монетах Кашина, Рязани и некоторых анонимных пулах [5, № 384, 420, 454, 479–483 (?)], а также в середине XV в. на деньгах удельного можайского князя Ивана Андреевича [12, рис. 15] и тверского князя Бориса Александровича [20]. Укажем и тот факт, что в народной памяти (Сказка о Борме Ярыжке) Навуходоносор распорядился поместить изображение дракона и на монетах. Средневековый человек стремился выстраивать свою жизнь в соответствии с библейскими текстами, или произведениями, построенными на них. Небезынтересен и тот факт, что в этом произведении за инсигниями Навуходносора в Вавилон посылал царь Иван Васильевич: «Царь Иван Васильевич кликнул клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?»» [11, с. 1–2]. Понятно, что в данном случае речь идет об Иване IV, но также звали и его деда, Ивана III, а народная память часто смешивала двух этих правителей. Интересен и тот факт, что в этом произведении помимо Вавилона/Царьграда появляется образ Казани, которая в какой-то степени замещает собой Вавилон. А в сказке о Борме корону православному царю из Вавилона доставили в Казань [11, с. 7–10]. Встречается здесь и сюжет борьбы льва и дракона/змея, в котором Борма помогает первому, подстрелив второго [11, с. 4]. Таким образом, образ дракона, как в представлениях властей, так и народа был очень сложным и мог менять знак с «+». По-видимому, это и послужило причиной того, что он в конечном итоге не смог закрепиться как знак верховной власти.

Другое предание связывало дракона с именем Александра Македонского. В Византийской империи существовало так называемое драконовое знамя, которое наряду с другими (всего восемь) выносили перед императором при выходе из храма по окончании службы. Его якобы заимствовал Кир от ассирийцев и оно было в употреблении у персов до Дария. Победивший персов Александр Македонский передал эту эмблему на знамени Македонскому царству, а при покорении последнего римлянами драконовое знамя перешло и в римское войско. Императоров Византии (Восточной Римской империи), почитали как преемников Александра, почему последние и сохраняли эмблему дракона на своих знаменах [1].

Не позднее, чем во второй половине XVII в. в Москве вновь вспомнили о драконе / змее. Этот символ был воплощен в так называемых «копьях змеями», применяемых при встрече иностранных послов. Это были копья, на вершину которых посредством кожаных ремней крепились деревянные головы змей со стеклянными глазами. Туловища и хвосты змей изготавливали из ткани (тафта), а их каркас из черемуховых прутьев и набивали «бумагой хлопчатой» (вата). Крылья и языки изготавливали из жести (белого железа) и золотили. Снаружи полученную конструкцию оклеивали «медной шумихой» (предположительно медная фольга или мишура). Поражают размеры этих змеев-драконов. Сведения об этом сохранились в материалах Оружейной палаты за 1678 г.: «скроили они, шатерной мастер Леонтей Терентьев с товарищи сто тридцать три змеи и набили бумагою хлопчатой. А мерою в длину по четыре аршина змея (2,84 м – А.Б.). В ширину около змеиных голов деревянных по четыре вершка и больши (около 18 см – А.Б.)». Изначально конструкция была еще сложнее. В 1672 г. мастеру Оружейной палаты Григорию

Вяткину «по указу великого государя велено сделать к древку тошому потешному змей на пружинных железных, чтоб по тому древку змей бегал». Сами древки, похоже, расписывали красками. В целом создавалось вполне величественное зрелище. В 1680-е гг. для церемонии встречи польских послов «конюшенного чину сотенным людям» выдали 160 подобных копий. Сохранилась и их цена – 16 алтын 4 денги (50 копеек). Упоминаются они и ранее, в 1654 г. дворцовый плотник Григорий Гаврилов просил деньги за свою работу: «к потешному древку змейку починивал 3 дни» [25; 26, с. 54–56]. Подобные змеи-драконы хорошо перекликаются с символами Вавилона, о которых мы писали выше. Имеется описание таких встреч иностранцами: «Подъехав к городу ближе, глядим — новый, невиданный дотоле отряд воинов! Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья [24], поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру. Отряд казался ангельским легионом. Кто не подивился бы на такое чудное зрелище...» [44, с. 44–45] (рис. 5). Драконы и крылья сгорели в московском пожаре 1737 г.

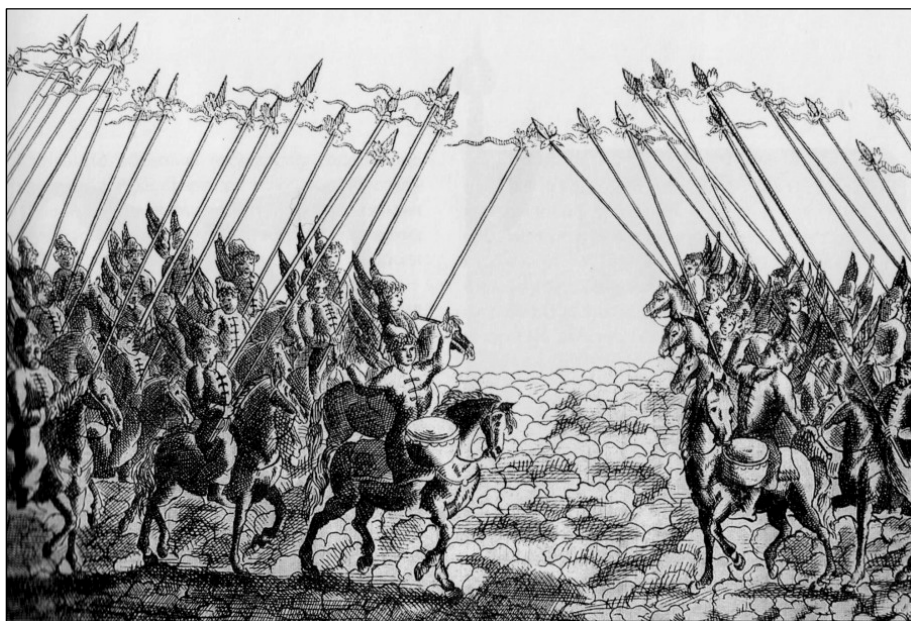

Рис. 5. Изображение крылатых всадников со змеями
из книги Б. Таннера [44, между с. 44–45].

Fig. 5. Depictions of winged horsemen with serpents
from B. Tanner's book [44, between pp. 44–45].

Подобные сооружения были известны и в Риме. Они появились здесь во II в. н.э., как заимствование, когда во вспомогательных кавалерийских отрядах стали использовать конницу сарматов и даков. Его задачей было определение направления ветра для конных лучников. Драко представлял собой

длинный шест, увенчанный бронзовой головой дракона с широко раскрытым ртом и привязанной к ней сзади цветной материей, когда ветер дул через открытый рот дракона она развевалась в виде змеи, и издавал звук напоминающий шипение (рис. 6–7). Известны они в Византии и у ранних Каролингов. Воин, несший дракона, назывался драконарий.

Рис. 6. Единственный сохранившийся драко, найденный в римской крепости Нидербибер. Государственный музей Кобленца (Landesmuseum Koblenz), Германия.

Fig. 6. The only extant draco found in the Roman fort of Niederbieber. Landesmuseum Koblenz, Germany.

Рис. 7. Драконарий, современная реконструкция.

Fig. 7. A dragonarium, modern reconstruction.

Отметим, что образ змеи и дракона в целом был общекультурным. Известен он и у монголоязычных народов. У них образ этих животных был довольно сложным, и одновременно носил как положительные, так и отрицательные черты [3; 7; 8].

Что касается льва стоящего на задних лапах и с мечем в передних, то в литературе упоминается, что это был символ императора Андроника II Палеолога (1282–1328 гг.). Такого льва, якобы, можно было видеть на одной из башен Константинополя, обращенной к морю еще в XIX в. [52, pp. 189–190] (рис. 8). Имеются упоминания о том, что дочь последнего великого дуки (главнокомандующего флотом) Луки Нотара, женатого на женщине из рода Палеологов, Анна Нотара, после того как переселилась в Италию изготовила для себя печать на которой были изображены два смотрящих друг на друга льва, каждый из которых в правой руке держал меч, а в левой полумесяц [53].

Практически идентичные барельефу, коронованные лев и дракон встречаются и на иных предметах, в частности, на прапоре конца XVII в. [23, с. 114, № 207]. Укажем, что лев и дракон становятся популярными у поданных русских государей. Известен оттиск печати Прокофия Зиновьевича 1501 г. на котором отчетливо просматривается именно этот сюжет, но без корон [15, табл. III, № 1]. Другие исследователи описывают ее как печать «с изображением сцены борьбы единорога со змеем и круговой надписью «Печать Прокофия Зиновьева» [22, № 1784/7] (рис. 9). За рог, по-видимому, был принят язык, торчащий из широко раскрытой пасти.

COAT-OF-ARMS OF ANDRONICUS II. PALÆOLOGUS.³

Рис. 8. Эмблема императора Андроника II Палеолога на стенах Константинополя, зарисовка XIX в. [52, p. 189].

Fig. 8. The emblem of Emperor Andronikos II Palaiologos on the walls of Constantinople, 19th-century drawing [52, p. 189].

Рис. 9. Печать Прокофия (Скурата) Зиновьева (Станищева), прорисовка XIX в. [15, табл. III, № 1].

Fig. 9. The seal of Prokofii (Skurat) Zinov'ev (Stanishchev), 19th-century drawing [15, table III, no. 1].

В отдельных случаях лев действительно мог заменяться единорогом. Именно такую композицию мы можем наблюдать на оттиске печати верейского князя Василия Михайловича Удалого 1482 г., кстати, женатого на племяннице Софьи Палеолог, дочери Андрея Фомича Палеолога Марии [42, № 113–114, с. 275, 279]. Поэтому здесь также, возможно, просматривается византий-

ское влияние. В более позднюю эпоху значительно чаще можно было наблюдать именно эту пару [36, с. 79–92]. Данный сюжет также известен на полихромных печных изразцах второй половины XVII в. [2, с. 127]. Отметим, что все перечисленные композиции ни в коем случае нельзя характеризовать как «борьбу». Данное наблюдение ставит очередной вопрос: были ли фигуры льва, дракона и единорога взаимозаменяемы? В настоящее время ответ на него отсутствует. До унификации монетного дела, произошедшей в правление Ивана IV, на штемпелях наблюдается более широкое использование различных символов власти, часть из которых со временем войдет в государственную геральдику. Среди них отмечены лютый зверь/лев, хищная птица, дракон/змей, всадник, поражающий змея и др. На настоящий момент подобные монеты активно анализируются в двух направлениях – принадлежность конкретной монетной регалии и используемая при этом монетная стопа. Настало время более подробным образом рассмотреть, помещенные на них изображения с точки зрения символов власти. Здесь главным препятствием остается тот факт, что изображения вводимых в научный оборот монет разбросаны по огромному числу публикаций и к тому же не всегда имеют качественные прорисовки. Обращение к этому виду исторических источников позволит совершить значительный прорыв в понимании того, как складывалась и развивалась официальная государственная геральдика Московского княжества (царства).

Одиночные двух и четырехлапые драконы в различных видах регулярно встречаются на перстневых и воротных печатях весь XVI в. [15, табл. IV. № 20 (1519 г.), № 36 (1537 г.), 39 (1541 г.), 47 (1544 г.), табл. V. № 50 (1545 г.), 52 (1545 г.), табл. VI. № 83 (1561 г.); 17]. Появление подобных перстней у частных лиц не случайно. Распространение вширь сюжетов с государственной символикой было наглядным показателем того, что подданные государя принимали эту символику и стремились через нее быть сопричастными государству. Точнее сказать владельцы печатей подобным образом отождествляли себя как непосредственных членов того или иного двора (великокняжеского/царского или удельного). При этом, принадлежность ко двору рассматривается нами в расширенном виде, как служебных людей, предложенном ранее Б.Н. Флорей [47]. Поэтому символика, встречавшаяся на них, дублировала ту, что принадлежала их патрону. Это объясняет столь частый перенос княжеских/великокняжеских и царских символов на печати их слуг. К таким нисходящим символам следует отнести многочисленных пеших и конных воинов, птиц, при этом, возможно, не только хищных, разнообразных животных под общим именованием «лютый зверь», двуглавых орлов, единорогов и драконов.

При попытке выстраивания механизмов заимствования мы попадаем в затруднительную ситуацию, объясняющуюся положением источниковой базы. В нашем распоряжении имеется значительное число сохранившихся перстней-печатей как из благородных металлов, так и из медных сплавов, однако точная их датировка и привязка к конкретному владельцу возможны далеко не всегда. Наиболее надежная информация по этой проблеме содержится в сборнике снимков печатей из фонда Грамот Коллегии экономии, изданных в середине XIX архивом МАМЮ [15]. Понятно, что несколько сотен точно отождествляемых оттисков не могут создать полной картины, но все же вме-

сте с комплексом сохранившихся перстней-матриц [17; 43] позволяют сделать некоторые общие наблюдения.

Первыми были заимствованы изображения воинов, лютого зверя и птиц. Позднее появились драконы и единороги. Двуглавые орлы замыкают данный список. Царственная птица по косвенным данным на личных печатях появляется в конце XVI в., а в XVII столетии и далее, вплоть до рубежа XIX–XX вв. является вполне обычным делом. На первых порах перстни-печати изготовлялись из серебра, но начиная с XVIII в. материалом для них, как правило, становятся медесодержащие сплавы. Тем самым наблюдается распространение использования подобного символа по ниспадающей, из верхних страт русского общества в нижние. Возможно, вначале князья сами провоцировали закрепление данной традиции, передавая во временное пользование те или иные личные перстни-печати своим статусным слугам. Эти перстни становились символом власти, а также могли использоваться для заверения тех или иных документов, исходивших из княжеской канцелярии. Такой пример известен вначале XVI в., когда удельный русский князь Иван Борисович передал золотой перстень с перелефтом¹ своему слуге Ивану Борисовичу Вельяминову Облязу, но по завещанию он должен был отойти к великому князю вместе с остальными золотыми перстнями его родственника [10, с. 352; 14, с. 161].

Нечто подобное наблюдается и в восточной традиции. На настоящий момент мы можем привести два примера: 1) находка медных перстней с изображением на щитках высокостатусных тамг; 2) пристрастие к компоновке ювелирных украшений с монетами на которых изображен двуглавый орел. Психологический механизм данного явления можно проиллюстрировать стремлением части современного российского социума, далеко не всегда чиновничества, окружать себя геральдическими эмблемами с двуглавым орлом.

Рассматриваемый дракон лучше всего подходит на роль прототипа для казанского герба на большой печати с медальонами Ивана IV. Данной теме посвящена обширная литература, высказывались различные точки зрения, в том числе и о европейском заимствовании этого символа, в этом случае дракон постепенно трансформируется в грифона [48]. Действительно, на печати дракону были преданы определенные черты грифона. Вновь полученные сведения дают дополнительный аргумент версии о западном, в широком понимании этого термина, происхождении этого символа. В таком случае казанский дракон должен был символизировать собой Ивана IV, а в более позднюю эпоху православного государя как такового. Обратим внимание, что на гербе Казани изображен не дракон из «Казанской истории», в которой тот описывается как двуглавый: «Живяше ту возгнездився змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше» [18; 35, стб. 11].

¹ Перелефт (переливт) – мелкокристаллический диксит-кварцевый агрегат, имеющий слоистое строение. По внешнему виду сильно напоминает агат, но, тем не менее, отличается от него. Использовался ювелирами для создания гемм. Упоминание перстня с подобной вставкой является косвенным указанием на то, что перед нами матрица печати.

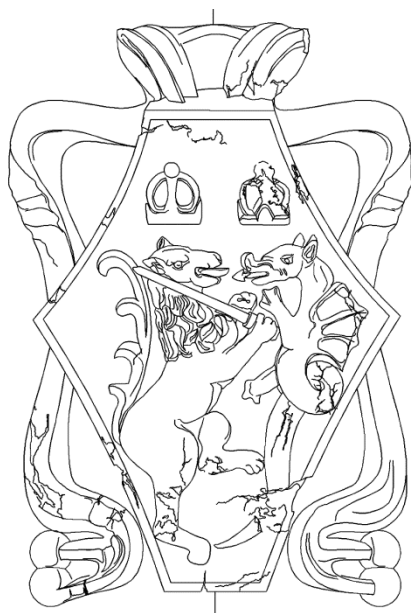

Рис. 10. Лев и дракон с Боровицкой башни Московского Кремля.
Прорисовка [31, с. 151] и фотография.

Fig. 10. The lion and the dragon of the Borovitskaya Tower of the Moscow Kremlin.
Drawing [31, p. 151] and photograph.

Отметим, что в массовом сегменте перстней-печатей дракон явно опережает по количеству изображений двуглавого орла [17]. Это говорит о том, что он появился раньше своего более удачливого соперника и нашел понимание в широкой народной среде. Почему же дракон не удержался среди иных государственных символов? Причин этому несколько. Во-первых, это тот факт, что двуглавый орел пусть и не сразу, но занял главенствующее положение среди подобных знаков, потеснив все иные, включая и ездоца (всадника, попирающего копьём дракона). Он оказался хорошо воспринят как внутри государства, где стал одной из разновидностей столь популярного символа, как птица, так и за рубежом, где орлы были понятными воплощениями символа власти. Во-вторых, этому поспособствовало превращение данного фантастического животного в эмблему Казани. В первую очередь это касается не появления дракона на большой печати 1577 г., а его размещение на городской казанской государевой печати вначале 1590-х гг. Постепенно дракон стал восприниматься не как символ государя, а как знак символизирующий Казань и Казанское царство. Таким образом, размещение дракона на личной печати с какого-то момента стало давать отсылку не к государю, а только к одной из множества областей, которой он владел. Но разрыв с прежней традицией проходил не так быстро. Пропав с частновладельческих печатей, дракон сохранился на печных изразцах и знаменах, и здесь он символизировал царя, а не поволжский город. Окончательный разрыв с прежней традицией произошел только при Петре I, когда многие образы получали новое осмысление, а список сюжетов претендовавших ранее на символы верховной власти был значительно переработан и сокращен.

Также несколько слов следует сказать о причинах появления городской казанской государевой печати. Впервые в Московском государстве подобные символы власти были изготовлены для юрьевского (1564 г.) [34, с. 386] и новгородского (1565 г.) [34, с. 398] наместников. Следующая городская печать появится не позднее 22.11.1592 г. [38, № 6430/22] (возможно до 20.05.1591 г. [38, № 6427/19; 21; 46, с. 285]) и будет сделана для Казани, точнее царства Казанского. За ней подобным атрибутом обзаведется Тобольск. Государева печать в городе фиксируется в наказе от 19 февраля 1608 г. воеводе Михаилу Михайловичу Салтыкову [37, оп. 1, кн. 2, л. 46]. При этом можно предположить, что ее изготовили еще при Борисе Годунове, когда в 1599 г. в город назначили воеводой окольничего Семена Федоровича Сабурова, который получил старшинство над остальными воеводами сибирских городов. Подбор городов явно не случаен и включает в себя «столицы» царств, присоединенных к Москве. В XVII в. такие печати официально будут называться печатями царств. Предсказуемо то, что они дополнятся печатями Астраханского царства (не позднее 1652 г.) и Смоленского княжества (не позднее 1664 г.) [32, № 503, с. 866; 33, № 858, с. 295; 16, № 196, с. 307; 39, № 66], а также Новгорода и Пскова. Их следует рассматривать, как некие переходные типы от собственно государевой печати к государевой печати конкретного города (городские) или даже целого царства (Казанского, Астраханского, Сибирского). Только как городские они не могут рассматриваться по той причине, что их изначально применяли для дипломатической переписки. Эти печати исправили несколько странную ситуацию, когда ранее подобные послания скреплялись частновладельческими печатями наместников [9, с. 74].

Таким образом, было показано, что образ дракона был хорошо известен на русских землях в XV–XVII вв., при этом он далеко не всегда являлся атрибутом зла, а выступал, в том числе, и как один из признанных символов верховной власти. Обращение к нумизматическим и литературным памятникам показывает, что казанский дракон, скорее, является отсылкой к средневековым представлениям о символах власти в реальном или мнимом Вавилонском царстве и Византии. Также важно указание на существовавшую, как минимум в кругах русских книжников, посредническую роль Казани в приобретении московскими государями прав на царский титул. Как следствие на город переносится символ, принадлежавший ранее Вавилону. Данное наблюдение ставит вопрос о пересмотре как предшествующих построений об истоках геральдического символа Казани, так и значении этого фантастического существа в русской символике. Следует отметить дискуссионность предложенных трактовок дракона. Однозначный ответ о его значении может быть получен только в случае обнаружения текстов той эпохи, в которых приводилась бы причина выбора именно этого символа. Нам же остается искать те или иные новые параллели и смыслы, подтверждающие или опровергающие наблюдения предшественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах в связи с вопросом государственных цветах древней России / Высочайшее учрежденное при Министерстве юстиции особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах. СПб.: Сенатская типография, 1911. 41 с.
2. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.
3. Ванькаева Е.В. Образ змеи в представлениях монголов как отражение картины мира // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 1. С. 72–79.
4. Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1727 г. М.: Типо-литография С.П. Архипова и К^о, 1877. Вып. 1. С. 1–376.
5. Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.
6. Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четверцы и полушки XIV–XVI вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.
7. Дампилова Л.С. Мифологическая семантика змей (могой), хозяев вод (лус) и дракона (луу) в фольклоре монгольских народов // Традиционная культура: научный альманах. 2017. № 4. С. 182–189.
8. Дампилова Л.С. Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1167–1176.
9. Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы. М.: Наука, 2023. 647 с.
10. Духовные и договорные грамоты. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 585 с.
11. Жданов И.Н. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях Владимирских». СПб.: Типография В.С. Балашова, 1891. 147 с.
12. Зайцев В.В. Монеты Ивана Андреевича Можайского (1432–1454 гг.) // Нумизмат. 2011. № 3 (30). С. 25–29.
13. Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-Монета, 2006. 208 с.
14. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 348 с.
15. Иванов П.И. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции. М.: Типография С. Селивановского, 1858. 43 с.
16. Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. Т. I: XVI–XVII вв. 476 с.
17. Каталог старинных перстней [Электронный ресурс]. URL: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekovye/epigraficheskie/pechat-na-buzumnago> (дата обращения: 20.01.2025)
18. Королев Г.И. «Печать царства Казаньскаго» на большой государственной печати Ивана Грозного // Гербовед. 2006. №. 1. С. 55–60.
19. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.
20. Лейбов В.Л. О типе денег Бориса Александровича тверского с изображением дракона // Двадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 156–157.
21. Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Печать Казанского царства начала XVII в. // Лукичев М.П. Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М.: Древлехранилище, 2004. С. 189–197.
22. Описание Грамот Коллегии экономии. М.: Древлехранилище, 2016. Т. I. 1192 с.
23. Орел и Лев. Россия и Швеция в XVII веке. Каталог выставки. М., 2001. 158 с.

24. Орленко С.П. «Крылатые всадники» в церемониале русского двора и Оружейная палата XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 28–36.
25. Орленко С.П. Змеи Оружейной палаты XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 2. С. 64–75.
26. Орленко С.П. Оружейной палаты «первый мастер» Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688). М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 54–56.
27. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1: Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. СПб., 1860. С. 394–396.
28. Петров Д. Об итальянских гербовых щитах 1490 г. на Боровицкой башне // Russica Romana. Anno XIX. 2012. Р. 9–33.
29. Петров Д.А. Гипотетическое истолкование льва и виверны на каменном гербе 1490 г. на фасаде Боровицкой башни // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 324–327.
30. Петров Д.А. О датировке гербовых щитов 1490 г. на Боровицкой башне Московского Кремля // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. II. М.: ФГБОУ ВПО «РГГУ» Историко-архивный институт. Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин, 2013. С. 471–476.
31. Петров Д.А., Яковлев Д.Е. Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. Результаты предварительного осмотра // Российская археология. 2014. № 3. С. 147–155.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. I. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. II. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 979 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. XIX: История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
36. Пчелов Е.В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М.: Старая Басманная, 2011. С. 79–92.
37. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 (Сибирский приказ).
38. Российский государственный архив древних актов. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).
39. Снимки с древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М.: Типография А. Гатцука, 1882. Вып. 1. 204 с.
40. Соболева Н.А. Русская геральдика. М.: Наука, 1991. 240 с.
41. Соболева Н.А. Феномен казанского герба: история, семантика, реальность // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.: Альянс-Архео, 2012. С. 126–172.
42. Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. М.: Типография Н.С. Всеволожского, 1813. 533 с.
43. Станюкович К.А., Авдеев А.Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа Искатели, 2007. 189 с.

44. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М.: Университетская типография, 1891. XII, 203 с., 5 л. ил.
45. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
46. Ураносов А.А. Русские областные и городские гербы в период образования и укрепления Русского централизованного государства: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952.
47. Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
48. Фоменко И.К., Щербакова Е.И. Западный след «Казанского дракона» // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 379–389.
49. Чернецов А.В. К изучению феодальной эмблематики и юридических знаков Владимиро-Суздальского княжества // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 39–40.
50. Чернецов А.В. Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв.: диссертация ... доктора исторических наук. М., 1988.
51. Eremina V. An International Tale-Type: "The City of Babylon". 2010, Vol. XV, pp. 99–128.
52. Millingen Van A. Bizantine Constantinople. London, 1899. XI, 361 p.
53. Tipaldos, G.E. "Εἶχον οἱ Βυζαντινοὶ οἰκόσημα". Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1926. III, pp. 206–222.

REFERENCES

1. Arsenyev Yu.V. On heraldic banners in connection with the issue of the state colors of ancient Russia. In: The Highest special meeting established under the Ministry of Justice to clarify the issue of Russian state national colors. St. Petersburg: Senatskaia tipografiia, 1911. 41 p. (In Russian)
2. Baranova S.I. Russian tiles. Notes of a museum curator. Moscow: Moscow State Integrated Art and Historical Architectural Museum-Reserve, 2011. 432 p. (In Russian)
3. Vankaeva E.V. The image of a snake in the representations of the Mongols as a reflection of the worldview. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*. 2018, no. 1, pp. 72–79. (In Russian)
4. Viktorov A. Description of notebooks and papers of ancient palace orders of 1613–1727. Iss. 1. Moscow: Tipo-litografiia S. P. Arkhipova i Ko, 1877, pp. 1–376. (In Russian)
5. Gaidukov P.G. Copper Russian coins of the end of the 14th–16th centuries. Moscow: Nauka, 1993. 293 p. (In Russian)
6. Gaidukov P.G. Russian poludengi, chetverts and polushki of the 14th–16th centuries. Moscow: Paleograf, 2006. 408 p. (In Russian)
7. Dampilova L.S. Mythological semantics of snakes (mogoi), masters of waters (lus) and dragon (luu) in folklore of Mongolian peoples. *Traditsionnaia kul'tura = Traditional culture : nauchnyi al'manakh*. 2017, no. 4, pp. 182–189. (In Russian)
8. Dampilova L.S. The functions of the snake in the ritual folklore of the Mongolian peoples. *Oriental Studies*. 2020, vol. 13, no. 4, pp. 1167–1176. (In Russian)
9. The diplomatic correspondence of Ivan the Terrible (1533–1584). Vol. I. Book 1: The Holy Roman Empire and the countries of Europe. Moscow: Nauka, 2023. 647 p. (In Russian)
10. Spiritual and contractual documents. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 585 p. (In Russian)
11. Zhdanov I.N. The Tale of Babylon and the Legend of the Princes of Vladimir. St. Petersburg: Tipografiia V.S. Balashova, 1891. 147 p. (In Russian)

12. Zaitsev V.V. Coins of Ivan Andreevich Mozhaisky (1432–1454). *Numizmat*. 2011, no. 3 (30), pp. 25–29. (In Russian)
13. Zaitsev V.V. Russian coins of the time of Ivan III and Vasily III. Kyiv: Yunona-Moneta, 2006. 208 p. (In Russian)
14. Zimin A.A. The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – first third of the 16th century. Moscow: Nauka, 1988. 348 p. (In Russian)
15. Ivanov P.I. Collection of photographs from ancient seals attached to charters and other legal acts kept in the Moscow Archive of the Ministry of Justice. Moscow: Tipografiia S. Selivanovskogo, 1858. 43 p. (In Russian)
16. Kabardino-Russian relations of the 16th–18th centuries. Vol. 1: 16th–17th centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 476 p. (In Russian)
17. Catalog of antique rings [Electronic resource]. URL: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekove/epigraficheskie/pechat-na-buzumnago> (accessed 20.01.2025). (In Russian)
18. Korolev G.I. “The seal of the Kazan Tsardom” on the great state seal of Ivan the Terrible. *Gerboved*. 2006, no. 1, pp. 55–60. (In Russian)
19. Lakier A.B. Russian heraldry. Moscow: Kniga, 1990. 432 p. (In Russian)
20. Leibov V.L. About the type of money of Boris Alexandrovich Tversky with the image of a dragon. In: Twentieth All-Russian Numismatic Conference. Abstracts of reports and communications. Moscow, 2019, pp. 156–157. (In Russian)
21. Lukichev M.P., Stanislavsky A.L. The seal of the Kazan Kingdom at the beginning of the 17th century. In: Lukichev M.P. Boyar books of the 17th century: Works on history and source studies. Moscow: Drevlekhreshche, 2004, pp. 189–197. (In Russian)
22. Description of the Diplomas of the College of Economy. Vol. 1. Moscow: Drevlekhreshche, 2016. 1192 p. (In Russian)
23. The Eagle and the Lion. Russia and Sweden in the 17th century. Exhibition catalog. Moscow, 2001. 158 p. (In Russian)
24. Orlenko S.P. “Winged horsemen” in the ceremonial of the Russian court and the Armory of the 17th century. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2024, no. 4, pp. 28–36. (In Russian)
25. Orlenko S.P. Snakes of the Armory of the 17th century. *Drevniaia Rus’*. Voprosy medievistiki. 2025, no. 2, pp. 64–75 (In Russian)
26. Orlenko S.P. of the Armory Chamber, “the first master” Grigory Nikitich Vyatkin (c. 1615–1688). Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022, pp. 54–56. (In Russian)
27. Monuments of ancient Russian literature, published by Count Grigory Kushelev-Bezborodko. Vol. 1: Tales, legends, novellas, fairy tales and parables. St. Petersburg, 1860, pp. 394–396. (In Russian)
28. Petrov D. On the Italian coat of arms of 1490 on the Borovitskaya tower. *Russica Romana*. Anno XIX. 2012, pp. 9–33. (In Russian)
29. Petrov D.A. Hypothetical interpretation of the lion and wyvern on the 1490 stone coat of arms on the facade of the Borovitskaya Tower. In: Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the XXXIII International Scientific Conference. Moscow, 2020. Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences (IVI RAN), 2020, pp. 324–327. (In Russian)
30. Petrov D.A. On the dating of the coat of arms of 1490 on the Borovitskaya Tower of the Moscow Kremlin. In: Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the XXV International Scientific Conference Moscow, January 31 – February 2, 2013 Part 2. Moscow: RSUH, Historical and Archival Institute, Higher School of Source Studies, Auxiliary and Special Historical Disciplines, 2013, pp. 471–476. (In Russian)
31. Petrov D.A., Yakovlev D.E. White stone coats of arms on the Borovitskaya Tower of the Moscow Kremlin. The results of the preliminary inspection. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2014, no. 3, pp. 147–155. (In Russian)

32. The Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830. 1072 p. (In Russian)
33. The Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830. 979 p. (In Russian)
34. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 13: Nikonovskaia letopis'. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 544 p. (In Russian)
35. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 19: Istoriia o Kazanskom tsarstve (Kazanskii letopisets). Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 328 p. (In Russian)
36. Pchelov E.V. Bestiary of the Moscow Kingdom: animals in the emblems of Moscow Rus at the end of the 15th–17th centuries. Moscow: Staraia Basmannaia, 2011, pp. 79–92. (In Russian)
37. The Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214 (Siberian Order). (In Russian)
38. The Russian State Archive of Ancient Acts. F. 281 (Letters of the Collegium of Economy). (In Russian)
39. Photographs from ancient Russian seals of state, royal, regional, city, government offices and private individuals. Iss. 1. Moscow: Tipografiia A. Gatsuka, 1882. 204 p. (In Russian)
40. Soboleva N.A. Russian heraldry. Moscow: Nauka, 1991. 240 p. (In Russian)
41. Soboleva N.A. The phenomenon of the Kazan coat of arms: history, (In Russian) semantics, reality. Ocherki feodal'noi Rossii. Iss. 15. Moscow: Al'ians-Arkheo, 2012, pp. 126–172. (In Russian)
42. Collection of state charters and treaties. Vol. 1. Moscow: Tipografiia N.S. Vsevolozhskogo, 1813. 533 p. (In Russian)
43. Stanyukovich K.A., Avdeev A.G. Unknown monuments of Russian sphragistics. Applied matrix seals of the 13th–18th centuries from private collections. Moscow: Gruppya Iskateli, 2007. 189 p. (In Russian)
44. Tanner B. Description of the journey of the Polish embassy to Moscow in 1678. Moscow: Moscow University Press, 1891, xii+203 p. +5 p. of illustrations. (In Russian)
45. Trepavlov V.V. Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow: Qvadriha, 2015. 368 p. (In Russian)
46. Uranosov A.A. Russian Russian regional and city coats of arms in the period of formation and strengthening of the Russian centralized state.: Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1952. (In Russian)
47. Florya B.N. "Service organization" and its role in the development of feudal society among the Eastern and Western Slavs. *History of the homeland*. 1992, no. 2, pp. 56–74. (In Russian)
48. Fomenko I.K., Shcherbakova E.I. The Western trace of the "Kazan Dragon". *Golden Horde civilization*. 2017, no. 10, pp. 379–389. (In Russian)
49. Chernetsov A.V. Towards the study of feudal emblems and legal signs of the Vladimir-Suzdal principality. In: Native lands past fate... On the anniversary of A.E. Leontiev. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 39–40. (In Russian)
50. Chernetsov A.V. Secular feudal symbols of Russia of the 14th–15th centuries: dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1988. (In Russian)
51. Eremina V. An International Tale-Type: "The City of Babylon". 2010, Vol. 15, pp. 99–128.
52. Millingen Van A. Bizantine Constantinople. London, 1899. XI, 361 p.
53. Tipaldos, G.E. "Εἶχον οἱ Βυζαντινοὶ οἰκόσημα". *Ἐπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1926. III, pp. 206–222. (In Greek)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Бемяков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 31.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025